

ЕВГЕНИЙ
ВИНОКУРОВ

ЛИЦО

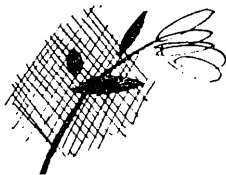
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

ЕВГЕНИЙ
ВИНОКУРОВ

ЛИЦО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

С Т И Х И

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА
1 9 6 0

Из книг:
Стихи о долге
Синева
Признанья
Лицо человеческое

**СТИХИ
О ДОЛГЕ**

* * *

*Про смерть поэты с болью говорили
Высокие, печальные слова,
И умирали,*

и на их могиле

*Кладбищенская высилась трава.
Смерть неизбежно явится за всяким.
О жизнь моя, как ты мне дорога!
Но я умру когда-нибудь в атаке,
Остывшей грудью придавив врага,
Иль с палкою в руке, в смешной панаме,
С тропы сорвавшись, в бездну упаду,
И я умру под горными камнями,
У звезд остекленевших*

на виду.

*А может, просто — где дорога вьется,
Где, кроме неба, нету ничего,
Замолкнет сердце вдруг и разорвется
От песен, переполнивших его...*

1917

I КАЗАРМА

СКАТКА

Вы умеете скручивать плотные скатки?
Почему? Это ж труд пустяковый!
Закатайте шинель, придавите складки
И согните
вот так — подковой.

Завяжите концы, подогнавши по росту.
Всё!
Осталось теперь нарядиться...

Это так интересно, и мудро, и просто,
Это вам еще пригодится!

1947

ГАМЛЕТ

Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал.
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки крерху простирал.

А в жизни, помню, отзывался ротный
О нем как о сознательном бойце.
Он был степенный, краснощекий,
плотный,
Со множеством веснушек на лице.

Бывало, выйдет, головой поникнет,
Как надо, руки скорбно сложит, но
Лишь только «быть или не быть?»
воскликнет,
Всем почему-то делалось смешно.

Я Гамлетов на сцене видел многих,
Из тьмы кулис входивших в светлый
круг, —
Печальных, громогласных, тонконогих...
Промолвят слово — все притихнет
здруг,

Сердца замрут, и задрожат бинокли...
У тех — и страсть, и сила, и игра!
Но с нашим вместе мерзли мы, и мокли,
И запросто сидели у костра.

1950

И поднимают крышки. В медном звоне
Тяжелый пар клубится по полам.
Обед настал в далеком гарнизоне,
И день переломился пополам.

1947

* * *

За окошком сосны голубые,
Часовых во тьме шаги глухи...
Я весенней полночью впервые
На дневальстве написал стихи.
Написал, а до утра не скоро.
И тогда я, той порой ночной,
Их прочел ленивому каптеру,
Силою разбуженному мной.
Я читал их с жаром, подвывая,
Ощущая радостный озноб.
Он смотрел, вздыхая и зевая,
И затылок пятернею скреб.
Сколько сил, упорства и старанья
С той поры я приложил, пока
Не достиг всеобщего признанья
Строгого пехотного полка.
Что есть выше для поэта, если
Слышит он — под гром идущих рот
Им самим придуманные песни
Запевала на́ голос берет!

А каптер? Он в долгосрочный вышел
И в своем селе, перед женой,
Как недавно я случайно слышал,
До сих пор еще гордится мной.

1947

СЕРЖАНТ ДЕНИСОВ

Сержант Денисов был хороший парень.
За многое ему я благодарен.
Он научил ходить в строю меня
И песни петь

в каких-нибудь три дня.

Он мне открыл, упорный и крутой,
Всю нетактичность опоздания в строй.
И не забыли многие в полку,
Что было мне за пряжку на боку.
Но время шло. Усердный ученик,
Я тонкости различные постиг.
Побрит, шинель положенной длины,
И выправка не хуже старшины.
С тех давних пор порядок строевой
Моей натурой сделался второй.
Я стал упрям и по-армейски строг,
Я легких в жизни не искал дорог.
Сержант Денисов был хороший парень,
Сейчас ему я очень благодарен.

1947

АНСАМБЛЬ

Был нами сколочен ансамбль один —
Из трех балалаек и двух мандолин.
Я в нем, как еще не постигший начал,
На репетициях в бубен стучал.
Наш первый концерт в День Победы исторг
У роты, собравшейся в зале, восторг.
Потом мы играли — сыграть нам пустяк! —
Под праздники, в праздники и просто так.
Бывало, все в лагере тихо вокруг —
Палатки, да звезды, да ивы, — и вдруг
Как грянут все струны, весь слаженный
строй,
Весельем, печалью и красотой!
Ребята стоят в стороне, не дыша,
У грустных дневальных зайдет душа.
И струны замолкнут в шуршании ив,
Серебряной музыкой мир оросив.
Нас всех за ту власть, что была нам дана,
Любили бойцы, уважал старшина.

1947

И, как в детстве — щекою в ладонь, до утра
Смотрят сны
        писаря, прибористы,
  наводчики,
Полковые сапожники и шофера.

1947

* * *

От подъема и до отбоя
На занятиях мы с тобою.
Затянувши ремни потуже,
Маршируем, или в кустах
Маскируемся, или по лужам
По-пластунски, на животах...
А потом по ночам нам снится,
Утомленным дневным трудом:
Вся в вечерних огнях столица,
В переулочке низкий дом.
Мы бываем с тобою дома
От отбоя и до подъема.

1947

В ДОЛГОСРОЧНЫЙ

Комсорг принял взнос, и на складе
начпрод

Выдал сухим пайком
Продукты ему на неделю вперед,
И он распростился с полком.
Как весело небо! Мешок на спине.
В хлеба убегает тропа.
И вдруг позади, в золотой вышине,
За лесом,
запела
труба.

Запела, рассыпалася, дразня,
Грустя и ликуя вослед.
И встал он, и вспомнил — за лесом
друзья

И молодости пять лет.
Сейчас там, должно быть, с занятий
пришли,

Готовится к смене наряд,
Расходятся роты, и в желтой пыли
Уже на поверку трубят.

Солдат помрачнел.

До платформы

всего

Каких-нибудь десять минут,

А звуки за сердце схватили его

И с места сойти не даюг.

1947

II

ЗЕМЛЯК

Со мной в одной роте служил земляк —
Москвич, славный парень — Лешка.
Из одного котелка мы с ним ели так:
Он — ложку, я — ложку.

Вдали от Москвы, по чужой стороне,
В строю мы с ним рядом шагали.
Мы спали бок о бок и часто во сне
Друг друга локтями толкали.

А в затишье, бывало, после атак,
На привале ко мне он подляжет,
И мы про Москву говорили с ним так:
Я — расскажу, он — расскажет.

В костре на ветру угольки догорят,
Шумит по-песецки кустарник,
А мы вспоминаем соседских ребят
И кинотеатр «Ударник».

* * *

Пока есть в реках сила гнать каменья,
Пока есть вьюги, чтоб в полях греметь,
Пока есть руки, труд и нетерпенье,
Пока сердца есть, чтобы песни петь, —

Поэты будут

грустно, нежно, страстно

Писать про юность много-много лет.

Ты ж встань

сейчас

решительно и властно,

В ушанке серой, грозных дней поэт!

Ты встань сейчас и Расскажи потомкам,

Как в юности, средь воющих снегов,

Ты мерз в полях, как в бой ходил,

о том, как

Колол штыком и не писал стихов.

1945

В КАРПАТАХ

Дорогой спиральной и узкой,
О гравий корябая шины,
В небо с тяжелой нагрузкой
Ввинчивалась машина.

Кружка на поясе билась,
Пилотка сползала косо.
Облаков сероватую сырость
Перемалывали колеса.

И — вниз!

Только ветры взвыли,
И снова равнины и хатки...
Из кружки на землю я вылил
Мутного неба остатки.

1946

А в час, когда звезды студены,
Над онемевшей рекой
Немецкие аккордеоны
Рыдали рязанской тоской...

1946

СОЛДАТ

Мимо ив прибрежных оробелых,
Мимо длинных, длинных, длинных сел
В сапогах больших, от пыли белых,
Полк пехотный шел —
С развеселой песнею военной.
А последним, замыкавшим ряд,
Был в строю совсем обыкновенный,
Роста невеликого солдат.
На спине был щит от пулемета,
Ранец, как положено бойцу.
Пел он громче всех, и струйка пота
Медленно стекала по лицу.
Пыльная дорога. Полдень. Душно.
Это стало все давно былым.

Вспомнил же его я потому, что
Это я был им.

1946

ГЕРОД

Бумаг накопилось много.
Не видно конца работе.
Штабные пятые сутки
Под лампой не смыкают глаз.
А утром, едва рассветало,
Третьей стрелковой роте
Идти в наступление был отдан
Немногословный приказ.

О городе с острыми крышами
Во рву толковали солдаты,
Сержант письмо дочитывал,
Разматывал кабель связист.
И вот над скомканным лесом
И над маленьким полем измятым
Взлетел, постоял и спустился
Тревожный и властный свист.

И все переглянулись,
И каждый подумал: «Начало!»
Комбат рукой узловатой
Снял бинокль с груди,

И артиллерия сердито
Кулаками застучала,
Чтоб двери открыли в том городе,
Чьи крыши видны впереди.

И рота пошла на приступ
Тесно — шинель к шинели.
«Ура!» — в груди распирало,
«Ура!» — раздирало рот.
Так вот он какой, этот город,
Чьи крыши вдали желтели!
Полроты пало в предместье,
Полроты прошло вперед.

Земля засорила небо,
Чавкают минометы,
Воздух разорван в клочья,
Рушатся этажи.
Так вот он какой, этот город!
Четверть осталось от роты.
Тот сержант, что письмо дочитывал,
На осколках стекла лежит.

Дым оседает... Каша
Варится поваром в роте.
«Так вот он какой, этот город,
Теперь разобрал, дружок!»
...Светится тускло лампа.
Не видно конца работе.
Штабной, пересилив усталость,
На миллиметр передвинул флажок.

* * *

Я знал его.

Огнем одним
Ладони грея, вечерами
Я говорил, бывало, с ним
Примерно как теперь вот с вами...
И помню, утром как-то раз
За речкой Стрый, окончив отдых,
Мы в бой пошли,

и всех потряс
Его великим ставший подвиг.
Сейчас, сжав автомат в руках
И сдвинув брови с жесткой волей,
Стоит он, бронзовый, в веках...
Его мы звали просто —

Колей.

1945

III

* * *

Нет, не только все время ветер зловещий,
Нет, не только пожаров коричневый
цвет, —

В мире были такие хорошие вещи,
Как, например, восемнадцать лет,

Как, например, очень темные ночи,
Очень грустные песни,

кустарник в росе,
На котором весна узелочки почек
Завязала затем, чтобы помнили все...

Но о чем же нам помнить?

У нас ведь
с собою

Все, что надо для юности,

здесь вот,
у ног:

Километр дороги до первого боя,
У плеча в вещмешке на неделю паек!

* * *

Дым в окно врывается
Хлопьями белёсыми,
Поезд в ночь врезается
Острыми колесами.

Буфера, качаяся,
Звонко бьются блюдцами.
Милая, печальная,
Где ты?
    Не вернуться ли?

Ширь полей пустынная
В окнах, как приклеенная.
А дорога длинная
И одноколейная...

1946

* * *

Мне далеко еще с полком идти,
Пыль поднимая, с трав сбивая росы,
И, может быть, когда-нибудь в пути
Меня любовь внезапная подкосит.
Звездастой ночью, темной, ветровой,
Огонь тревожный растоплю корою,
Сниму шинель, оденусь с головой
И глаз до света так и не закрою.
И все пройдет.

А утром встану в строй
На место прежнее, второе с краю,
И вместе с ротой гулкою порой
Под свист и топот песню заиграю...
Лишь через годы, вечером, во мгле,
Я другу тайну невзначай открою —
О той, что видел как-то раз в селе
И что еще не позабыта мною.

1946

* * *

Мир разлетелся в две стороны:
С луною и без луны.
Тонкие рельсы настроены
Строим тревожной струны.

По ветру воеет чудищем
Поезд.

В окно взгляни:
Видишь березы, что в будущем, —
Вон уже в прошлом они!

Окна закроем, холодом
И лесом вагон проветрив.
Двадцать минут до города,
До полночи пять километров.

1946

* * *

О, сколько солнца в детстве я познал!..
Оно лилось к нам по утрам из окон,
Оно ломилось в физкультурный зал,
Оно глаза слепило за уроком.

Пилотку сняв, в походе, среди работ
Молчу торжественно я всякий раз
недаром,
Когда оно, великое, встает
Над кромкой леса раскаленным шаром!

1946

ВЫИДЯ В ГОРОД

Вечер в город весенний явился опять
С открытыми окнами,
с патефонными
вальсами.

Наигравшиеся дети улеглись спать,
Укрывшись байковыми одеяльцами.

Смешалось, спуталось — не разберешь,
Где звезды, где окна, где клены, где
зданья!
Очкастые студенты спешат без калош
Мокрыми улицами на свиданья.

Мне спать еще рано,
да при такой
луне,
В вечер такой, взбудораженный
кленами,

Разве уснешь? Что же делать мне,
Взрослому и невлюбленному?

1946

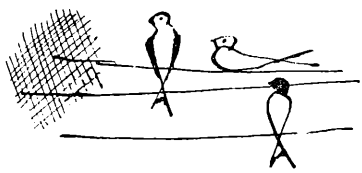
* * *

Снегом густым
Замело,
Забуравило.
Ничего не разобрать
Добром.
А зимы еще не было,
Просто набело
Осень была переписана ноябрем.

А зимы еще не было,
Просто неистово
Ветер врезался в глубь сосняка...

Я обмотки разматывал,
Словно перелистывал
Страницы солдатского дневника.

1946

Пять у забора молодух.
Судачат, ахают, вздыхают...
Глаза — захватывает дух! —
Так синевой и полыхают.

Девчата.

Скромен их наряд.
Застенчивые чаровницы,
Зардевшись, синеву дарят,
Как драгоценность, сквозь
ресницы.

1955

Питался сечкой по продпунктам
И мылся в санпропускниках.

Я понимал лишь только грозы,
Дорог — замес, снегов — обвал...

Скупой и тонкий дух березы
В те годы я не понимал.

1953

МАЛЬЧИШКИ

Теплым,
Настежь распахнутым вечером,
Летом,
Когда обрастут огоньками
Высокие зданья,
Я сяду у окна,
Не зажигая света,
И ощую включу воспоминанья.

И прошлое встанет...
А когда переполнит
Меня до отказа
Былого излишек,
Позову троих
Курносых,
Беспокойных,
С оторванными пуговицами
Мальчишек.

Я им расскажу
Из жизни солдата
Были,

В которые трудно поверить,
Потом провожу их,
Сказав грубовато:
— Пора по домам! —
И закрою двери.

И забуду...
А как-нибудь,
Выйдя из дому,
Я замру в удивленье:
У дровяного сарая
Трое мальчиков
Ползают по двору пустому
Меж высоких сугробов,
В меня играя...

1948

* * *

Под сияющим небом, игралищем гроз,
Ветер волосы мне растрепал!
Нес меня паровоз
В дробном стуке колес,
В черном ливне мелькающих шпал.
Месяцами я шел через солнечный зной
В неохватный июльский простор.
Беспощадной и яростною синевой
Я навеки отравлен с тех пор.
Были в жизни моей восхожденья круты,
Шли железной шеренгой года,
Голубой и густой океан чистоты
Мне уже не забыть никогда.
Чтобы пламень веселый во мне не потух,
Чтоб не спал вдохновенья прибор,
Как кузнец, я ковал дни и ночи свой дух,
Строгий суд я держал над собой.
Мне нужна только истина. Вынь да
положь!
Жив я, правдой одной дорожа.
Знаю я — на губах так же пагубна ложь,
Как на чистом оружии ржа.

1952

Я ВИДЕЛ МИР

Я видел мир
Таким, какой он есть,
Тот страшный мир
С яругами кривыми,
Со степью снежною,
Где места нет,
Чтоб сесть,
С примерзшими к винтовкам
Часовыми,

С путем бессонным
От костра к костру,
С березами,
Издерганными ветром,
С весенним ливнем,
Что, пробив листву,
Гудя, уходит в землю
На полметра.

Я видел мир,
Где черная вода
Из мелких лужиц и канав

Целебна,
Где в небо звездное
Взлетают города
И к сапогам
Ложатся слоем щебня.

Теперь лежит он,
Стихший до утра,
Какой-то незнакомо оробелый,
В дрожащей капле
На конце пера
Безмолвной ночью
Над бумагой
Белой.

1951

ОТЦЫ

У возвратившихся с фронта отцов,
Мешки и под сумки облазив,
Ребята не просят
Цветных леденцов,
А просят военных рассказов.

И вот,
Уступив настояньям ребят,
Отцы им,
Пока не стемнело,
Как взрослым, о жизни своей
говорят
И глядят их неумело.

А дети задремлют,
Наград боевых
Касаясь во сне головою.
Отцы осторожно баюкают их
Песенкой
Строевою.

1953

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1953

КРАСОТА

В. Бокову

На небо взглянешь —
Звезд весенних тыщи!
Что юности в блескучей высоте?!
Но яростнее, чем потребность в пище,
Была у нас потребность в красоте.

Нам красота давалась понемножку...
По вечерам, когда шумел привал,
Сапожник ротный,
Мучая гармошку,
Ее для нас упрямо добывал.

Она была минутной и не броской,
Мелькнет — и нет: под утро вдалеке,
На горке — стеариновой березкой,
В ночи —
луной, раздробленной в реке.

А то бывало: осень, вязнут танки,
И чад, и гарь, — и вдруг она возьмет
И чистым взором познанской
крестьянки
Из-под руки, лукавая, сверкнет.

1953

ВОДА

Я до тепла был в молодости падох!
Еще б о печке не мечтать, когда
По желобку меж стынущих лопаток
Струится холодящая вода!

От той смертельной, муторной
щекотки
Спирает дух, как на полкѣ в парной,
Особенно когда еще обмотки
Пропитаны водою ледяной.

Шинель моя намокла, как мочало,
Умерь попробуй звонкий лязг
зубной!

Вода стонала,
хлюпала,
пищала
В зазоре меж подошвой и ступней.

Она была обильною и злою,
Текла с дерев на лоб, на щеки,
в рот.

Ее с лица я отирал полою,
Как возле топки отирают пот.

В разливы рек я брел и брел по шею,
Я воду клял и клял на все лады.
Я не запомнил ничего страшнее
Холодной этой мартовской воды.

1953

* * *

Ночь уже наступила глубокая.
Улеглись и не спят, калякая,
Вологодцы, владимирцы — окая,
Москвичи и рязанцы — акая.
Жестковата шинельная наволочка,
Колет спину соломы вязаночка...
Где ты, где ты, моя ярославочка?
Где ты, где ты, моя рязаночка?

1946

Ремни нежны и узки,
Весь в перламутре он.
Как плакал он по-русски,
Чужой аккордеон!

Напев летел в обозы,
До сердца пробирал...
И старческие слезы
Обозник вытирал.

Слышна по всей округе
Была его игра...
И на плече подруги
Рыдала медсестра.

1955

РАБОТА

Я на кручу тяжелые шпалы таскал.
Я был молод и тонок —
мне крепко
досталось!

Но лишь пот в три ручья да надсадный
оскал
На подъеме крутом выдавали усталость.

Налегая всем телом, я глину копал,
Я кидал эту глину лопатой совковой.
Я под вечер с лица потемнел и опал.
Землекоп из меня мог бы выйти толковый.

Я был выделен в баню для носки воды.
В группе старых бойцов, работающих и
дюжих,
Мы таскали три дня.

На ладонях следы
Целый год сохранялись от ведерных дужек.

Я поленья с размаху колол колуном.
Я для кухни колол и колол для котельной.

Только мышцы ходили мои ходуном
Под вспотевшей и жесткой рубахой
нательной.

Я был юным тогда.
Был задор, был запал.
Только к ночи, намаявшись, словно
убитый
Я на нарах, лица не умыв, засыпал,
На кулак навалившись щекою небритой.

1955

* * *

Там валуны, шершавые на ощупь,
Там тьма, и глушь, и травы по плечам.
Там в полдень рощи,
Как старухи, ропщут
И, словно дети,
Плачут по ночам.

Мы в том краю солдата схоронили.
Трещал сушняк, ручей гремел навзрыд.
Под рыхлым пнем, светящимся от гнили,
Холодной ночью был наш друг зарыт.

Тот низкий холм
Уже трава покрыла,
Его теперь и не отыщешь днем,
Лишь по ночам горит его могила
В краю пустынном голубым огнем.

1952

* * *

Земля омыта
Летними дождями.
Нам вдаль идти
С припевом строевым,
Нам вдаль идти,
Где прочно, как гвоздями,
Прибита пыль
К дорогам полевым!

Еще темно,
Звезда моргнет
И канет.
Весь долгий день
Шагать придется,
Брат.
В пути рассвет
По спинам нашим встанет,
По лицам нашим
Спустится закат.

И там, в пути,
Среди июльской лени,

На перекур усядемся под рожь,
И ты, пилотку
Глядя на колене,
Свои стихи мальчишечьи
Прочтешь.

И будет в них:
Луна над белым садом,
И будет небо —
В зареве на треть,
И та,
С которой ты хотел бы рядом
Над дымною рекою
Посидеть.

Они грустящей молодостью
дышат,

В них звонких рифм
Веселая игра...
Но кто ж стихов
В семнадцать лет
Не пишет?..

Вставай-ка, друг,
Уже зовут.
Пора!

УГОЛЬ

В работе не жалея сил,
Веселою весной
Я уголь блещущий грузил
На станции одной.

А было мне семнадцать лет,
Служил я в арtpолку,
Я в легкий ватник был одет,
Прожженный на боку.

Я целый день лопатой скреб,
Я греб, углем пыля.
И были черными мой лоб
И щеки от угля.

Я запахом угля пропах,
Не говорил, не пел,
Лишь уголь мелкий на зубах
Пронзительно скрипел.

Когда ж обедал иль когда
Я чай из банки пил,

То черною была вода
И черным сахар был.

С лицом чумазым, средь трудов,
Я рад был той весне.
Но девушки из поездов
Не улыбались мне.

Вдаль улетали поезда,
Как в фильме иль во сне,
Мелькнут, и только и следа —
Дымок на полотне.

Хотелось крикнуть что есть сил:
— Постойте, поезда!
Постойте! Я ведь не любил
На свете никогда!

1953

КСЕНИЯ

В комнату со шторами
Из пустых сеней,
Звонко звякнув шпорами,
Мы входили к ней.

Три шинели вешали
На гвозде в углу,
Сдержанны и вежливы,
Чинно шли к столу.

Била ночь осенняя
В стекла старых рам.
Сев напротив,
Ксения
Улыбалась нам.

Худенькая, славная.
На руку щекой, —
Шейка слишком слабая
Для косы такой!

За окном неистовый
Ветер выл во мгле,
А ему подсвистывал
Чайник на столе.

И за разговорами
О своем былом
Мы звенели шпорами
Глухо под столом.

Но без сожаления
Строго в первый час
До порога Ксения
Провожала нас.

Улыбалась, тонкая,
Сразу всем троим.
Хмуро шапки комкая,
Грустно постоим.

И минута тихая
Наступала тут,
Только слышно — тикая,
Ходики идут.

...Там, где ветер, рыская,
Роет бурелом,
Есть землянка низкая
В роще за селом.

Там, дымя махоркою,
Навалясь на стол,

Мрачно пили горькую
И смотрели в пол.

Там, как праздник праздная,
От тоски люты,
Пели песни разные
Мы до хрипоты.

1955

ВЕСНА

Ночь выла, кружила, трубила округой.
И каждому падающему мертвецу
Так жизнь и запомнилась — белой
вьюгой,
Наотмашь хлещущей по лицу.

А утром все стихло,
И мир открылся
Глазам в первозданной голубизне.
Я вылез на бруствер и удивился
Вновь — в восемнадцатый раз — весне.

Сырые холмы порыжели на склонах,
Весенние ветры сводили с ума.
И только у мертвых в глазах
оголенных,
В широких,
Навечно застыла зима.

1953

ДОБРОТА

Я все занесу на скрижали,
Железную точность храня, —
И то, как меня обижали,
И то, как жалели меня.

Обида, обида людская!
Забудешь одну без труда,
Другую, полжизни таская,
Не сможешь забыть никогда.

И все ж, как она б ни держалась,
Концу ее все-таки быть,
Но, острая, светлая жалость,
Тебя мне вовек не забыть.

Я зубы сжимал, чтоб не плача
Пройти среди белого дня.
Царила моя неудача,
Несчастья терзали меня.

Сердечностью необычайной
Я был поражен на пиру,

За чаркой в райпитовской чайной,
В картофельном сытном пару.

Сидел я, печальный, у края,
И, голову вбок наклоня,
Подолом глаза утирая,
Жалели старухи меня.

О русские веси и грады!
Прошел я немало путей
И высшей не знаю отрады,
Чем доброе слово людей.

Вставало над избами солнце.
Я видел: везде разлита —
Где с верхом, а где и на донце —
В людские сердца доброта.

1951

ПТИЦЫ

Что означает это пенье птичье?
Гремит, звенит, поет ночная мгла. .
То песнь, наверно, звездному величью?
То космосу бескрайнему хвала?

А может, то совсем не песнь,
а просто
Так, разговор про разные дела —
Что скоро утро, что, мол, нынче росно,
Что вот, мол, дескать,
червяка нашла...

1953

ЯУЗА

Худая девочка бродила
Вдоль узкой Яузы-реки.
В слезах, опершись на перила,
Смотрела вдаль на огоньки...

В краю далеком сердце сжалось.
Проснулся в полночь я с тоской,
И Яуза мне показалась
Великой северной рекой.

И словно с высоты обрыва,
Откуда на безбрежье вид,
И горестно и горделиво
В простор красавица глядит...

1951

В СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

В семнадцать лет
Я не гулял по паркам,
В семнадцать лет на танцах
Не кружил,
В семнадцать лет
Цигарочным огарком
Я больше, чем любовью,
Дорожил.

Среди друзей,
Как я, в сукно одетых,
Я шел,
И бился о бок котелок,
И песни измерялись
Не в куплетах,
А в километрах
Пройденных дорог.

А я бы мог
Быть нежен, смел и кроток,
Чтоб губы в губы,
Чтоб хрустел плетень...

С тяжелой ленты
Вымокших обмоток
И начинался и кончался
День.

Я с песней шел
Сквозь снежные завалы,
Сквозь непогодь метельных
январей...

В семнадцать лет
Я был влюблен в привалы
И в лайку почерневших
Сухарей.

1952

ОКНА

Как-то в детстве,
Идя по кручам,
Вдалеке, над зацветшим прудом,
Я увидел в лесу дремучем
С золотыми стеклами дом.

Я дошел.
На холме покато
Понял я средь лесной тишины:
Просто-напросто были закатом
Окна в доме освещены.

1953

ЛЕБЕДИ

Я чуть не плакал. Не было удачи!
Задача не решалась — хоть убей.
Условье было трудным у задачи.
Дано:

«Летела стая лебедей...»

Я, щеку грустно подперев рукою,
Делил, слагал — не шли дела на лад!
Но лишь глаза усталые закрою,
Я видел ясно: вот они — летят...

Они летят под облачную гущей
С закатом, догорающим на них.
Закинул шею тонкую ведущий
Назад и окликает остальных.

Они на миг спускаются напиться
В лесок, к озерцам, и опять летят,
Победно распластавшиеся птицы,
Подбадривая легких лебедей.

Простор небес они крылами били,
Снегам вершин и облакам сродни!..

Никто представить бы не мог, что
были
Из школьного задачника они.

1953

БОЛЬ

Нас воспитала строгая эпоха,
Ей сетованья были не с руки.
Мой ямб пехотный приспособлен плохо
Для грусти, для сомнений, для тоски.

Грусть по тебе меня сегодня гложет,
И я грущу, и в этом нет греха,
А боль моя все прозвенеть не может
Сквозь трубный ритм железного стиха.

1955

ЖЕНА

Она — жена моя,
Нет, не невеста,
Она — жена.
Она встает чуть свет.
Она в смятенье не находит места,
Когда меня с работы долго нет.

Шла девочка со мной
Когда-то, где-то,
Беспечная.
Мы плыли по реке...
Пять лет уже ночами до рассвета
Моя жена спит на моей руке.

Она — жена моя,
Нет, не подруга,
Она — жена.
Рот молчаливо сжат.
Коль плохо мне, два черных
полукруга,
Печальные, у глаз ее лежат.

Шла девочка со мной.
Пред нами лютой
Пылала полночь
Лунной красотой...

Мою жену с той девочкой не спутай.
Я девочки совсем не знаю той.

1955

ЛУНА

Луна случайна в городском пейзаже,
Где фонари, где зданья, где авто.
Когда б она исчезла,
То пропажи,
Наверно, не заметил бы никто.

Зато в лугах она встает большая,
Зеленая,
Над сочною травой,
Все ямы и канавы заполняя
Своей холодной влагой неживой.

Еще не раз любимой на колени
Я голову покойно положу,
Грызая травинку, в предрассветной
лени

В распахнутое небо погляжу.

Туда, туда, где вечная
над нами,
Чужим огнем скупым озарена,
С ущельями, с провалами, с горами,
Возвышенная плавает луна.

1955

* * *

Кто молод, тому нипочем

Утренние туманы.

Дверь распахнувши плечом,

В солнечные поляны

Выйду:

Пахнёт на меня

Небом, горячим и чистым,

Садом и тенью плетня,

Птичьим приветственным свистом.

Встану и вскину голову в солнечную

благодать.

Что бы такое веселое, звонкое миру

сказать?

1951

ВСТРЕЧА

На продпункте я ел
По последним талонам.
Вслед печально смотрел
И махал эшелонам.

Пил пустой кипяток
С населеньем вокзала.
Кружки три — не питок!
Больше трех не влезало.

С дальних, призрачных рош
Ветра резкая сила
Листьев радужный дождь
На перрон заносила.

Я ходил взад-вперед.
Все мне было знакомо:
Жил дорожный народ
На перроне, как дома.

За обедом вдруг стук
Раздавался, бывало, —
Это ложка из рук
У меня выпадала...

1955

Взявшую скорость
С разгона
Через села и реки,
Сквозь ливень и мрак,
В клубах пара летящую
Полку вагона.

1955

ЛЮБИМЫЕ

Характер всех любимых одинаков!
Веселые, они вдруг загрустят,
Отревновав, отмучившись, отплакав,
Они угомонятся и простят.

И зацелуют. Не дадут покоя!
Руками шею крепко обовьют.
Взглянув в глаза, к щеке прильнут
щекою.
Затормошат. Любимым назовут.

Но лишь попробуй встретить их сурово,
Лишь руку осторожно отстрани,
Скажи: «Сейчас мне некогда!» — и
снова
На целый день надуются они.

...Нет трогательней в мире беспорядка
Волос их мягких в тот рассветный час,
Когда они доверчиво и сладко
Спят, разметавшись, на руке у нас.

Любимые!
Когда мы уезжали,

На тысячи верст безлюдье храня,
Лесами и царствующими облаками
Она окружала в те дни меня.
Я помню юг. За пологим мысом
Дрожала пена — морей молоко,
В небе, разрубленная кипарисом,
Луна, поднявшаяся высоко...
Природа.

Она стучит родниками.
Тронь дно — и занует кисть руки.
Под молчаливыми ледниками
Она погребает материки.
О ней не случайно сказано было:
Гони ее в дверь — влезет в окно.
Весною асфальт не она ли пробила
Травинкой,

высосавшей зерно?

...Все живущее на два пола
Она разделила. Не спорить же с ней!
И нету резче, быть может, раскола,
Идущего от изначала дней.
Непреступаемая граница!
Как двум полюсам, как двум врагам,
Сливаясь вечно, все же не слиться
Этим двум берегам.
И вот содрогается мир от пенья.
Выпаливая радость, страсть и тоску,
Разряженный в самые лучшие перья,
Токует тетерев на суку.

...Я летел на «ЛИ-2». С высоты

полета

Видел сквозь облачный рваный дым:

Ничтожным пятном расплывалась
природа —
Зеленое, смешанное с голубым.
Но как бы ни были мы высоко,
Мы вздрогнем, лишь только она
позовет, —
В самих нас брожение жаркого сока,
В нас жажда жизни ее живет.
...Ждет меня —
верю сильнее год от году —
Совсем не смерть, а конец иной:
Я, как в воду, войду в природу,
И она сомкнется надо мной.

1957

ПЕЩЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК УЧИЛСЯ РИСОВАТЬ

Пещерный человек учился рисовать...
Не находя в изяществе резона,
Тяжелым камнем начал выбивать
Фигуру угловатого бизона.

Случайный шаг! Опасная стезя!..
Он кончил, и впервые с сотворенья
Из глаз звериных длинная слеза
Устало потекла —
от умиленья.

И, страшной тайной творчества влеком,
Он чувствовал — назад уж нет возврата,
Когда он первобытным кулаком
Стирал слезу светло и виновато.

Косматый, дикий, шкура за спиной,
Разодрала лицо ему гримаса!..
Он радости был полон неземной,
Что слаще меда и сытнее мяса.

1957

ОСНОВА

Всей перешедшей по наследству
плотью,
Всем обликом,
которым дорожу,
К широкому в плечах простонародью
Я от рождения принадлежу.

К тому, что под гармонику вопило,
Что, лузгая подсолнух на ходу,
Блестящие проспекты затопило
Сермягами в семнадцатом году.

Наследственности сложного вопроса
Не подыму,
а лишь коснусь слегка.
Моя родня отчаянно курноса
И в скулах непомерно широка.

Я от земли ушел бесповоротно,
Сапог не шить и не скорняжить мне.
И все ж моя душа простонародна
В своей основе, в самой глубине.

Я не желаю ничего иного,
И я живу, уверенность храня:
Здорова и сильна моя основа,
В тяжелый час она спасет меня.

1957

ВАГОН В 1918 ГОДУ

Казалось,
                  лишь представься случай —
И в щепки разлетится он, —
Скрипел певучий и визгучий,
Вконец раздерганный вагон.

И средь толчков вагонных резких
Ворчащий проводник пронес
Фонарь над водорослями женских
Тяжелых, спутанных волос.

Ругался кто-то:
                  — Тише, леший! —
Солдат храпел впервые всласть,
Измученный, переболевший
И возвращающийся в часть.

Вверху шептались воровато
Мешочники,
                  и из мешка
На спину серую солдата
Бежала струйкою мука.

И в густоте махры и храпа
Дремал мужчина средних лет;
Крылатка, бант, пенсне и шляпа,—
Столичный, видимо, поэт.

Потряхивая пышной гривой,
Он нервно вздрагивал во сне,
Холодной бабочкой пугливой
Дрожало хрупкое пенсне.

Вагон качался монотонно.
Мужчина шамкал пухлым ртом,
В руках был номер «Аполлона»
И тонкий Анненского том.

Солдат храпел, худой на диво,
Усталый, желтый, чуть живой,
Поникнув бритой после тифа,
Остроугольной головой.

То был отец мой!
Он был молод,
Он фантастичный видел сон:
Весь голубой, стеклянный город
И небо будущих времен.

Его куда-то уносило,
Во глубь неслыханной новы... .

И мчалась за окном Россия
В слезах, пожарах и крови.

1957

НИЩИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Под дождиком, на мокрых плитах,
Пестра, от голода тупа,
Печальных нищих родовитых
Переминалася толпа.
У величавого портала,
Меж облупившихся колонн,
Графиня робко продавала
Свой институтский медальон.
И, в грудь себя рукою бивший,
Со шляпою в другой руке,
Морщинистый сановник бывший
Пел на французском языке.
Сутулый и седой священник
Меж двух гранитных львов, в углу,
Чтоб раздобыть немножко денег,
Хватал прохожих за полу.
Чего желать им в доле низкой,
Прозя на хлеб и на ночлег?..

Конец! Империи российской
Разбился вдребезги ковчег.

1957

* * *

Прозванье
Дала себе
Каждая нация
В согласии с главной
Чертой:
Англия — доброй,
Прекрасною — Франция,
А Русь называлась
Святой...

1957

Власть имеет такую:
На сердце нежданно плеснет —
И подросток, ликуя,
На страшный идет эшафот!

Не она ли бросала
Любовников бедных со скал?
Не она ли спасала
Лодчонку, попавшую в шквал?

И совсем не водою,
А с давних времен до сих пор
Только ею одною
Смывается черный позор.

Жидкость бродит по трассам,
Подземною силой сильна.
То, что вытерпит разум,
Не стерпит, пылая, она.

Слышу я, замирая,
По долгим ночам, в тишине,
В край угрюмо из края
Она где-то бродит во мне.

Кто с ней, буйною, сладит?
Кутил, бунтовал и страдал
Отдаленный мой прадед,
Он мне свою кровь передал.

Упрекнуть его не в чем —
Сквозь жизнь он прошел

прямиком,

Был бродягой, и певчим,
И в Сальских степях ямщиком.

Он вставал над упряжкой
И свистом округу пугал.
Он кричал и с оттяжкой
Вожжами коней обжигал.

Он плевал на ладони
И в темень хлестал наугад...
До сих пор еще кони
В крови моей где-то летят!

Кровь по жилам по тонким
Моя отгуляет, а там
Отдаленным потомкам
Ее я в свой срок передам.

1957

АКЫНЫ

1

О, как мудры акыны и наивны!..
Степенные уселись гости в ряд.
На девочке горят, как солнце, гривны,
На аксакале — дорогой наряд.

А сам акын беспечно заголяет
На пиршествах засаленный рукав.
И, распалась, по струнам ударяет,
Как голубь чист и как змея лукав.

2

Нет никого загадочней акынов!..
Поев солидно,
Прислонясь к ковру
И сытым взглядом родичей окинув,
Он начинал настраивать домбру.

И с алых губ, лоснящихся от сала,
Под небо песнь печальная летит!..

Тоскуя, пряжу женщина бросала,
Уныло щеку подпирал джигит.

Закат вдали,
За юртой, догорает...
Но звук высокий оборвался вдруг,
И лирик пот с мясистых щек стирает,
И плачут все сидящие вокруг.

3

Легки акыны в этой жизни
краткой!..
До света, чтоб не разбудить родню,
Из юрты женской он идет украдкой
К привязанному с вечера коню.

Ширь оглядев от края и до края,
Он запоеет,
пустив коня в намет.
И так он скачет степью, собирая
Яд красоты и размышленья мед.

1957

ДЯДЯ

Мой дядя в двадцать пятом
Командовал полком.
Он был крутым солдатом,
Прямым большевиком.

И, от природы добрый
И вовсе не герой,
Питался чаем с воблой,
Жил в комнате сырой.

Он полной мерой мерил
Поступки и слова.
Он свято в дело верил,
Как верят в дважды два.

Сказал он зло и четко
Однажды в Новый год,
Что здесь преступна водка,
Коль голоден народ.

Он пробегал сурово
С утра столбцы газет, —

Пожара мирового
Все что-то нет и нет.

Он вечно жил, готовясь
К тому, что впереди,
Торжественная совесть
Жила в его груди.

...Высокий шлем, и шрама
Над бровью полоса...
Он смотрит зло и прямо
С портрета мне в глаза.

1957

* * *

В гаме и в угаре
Я к лицу лицом
Повстречался в баре
Как-то с подлецом.
Вилкой он поправил
В блюде огурец.
Он себя представил
Сдержанно:

— Подлец. —

Заказал пол-литра,
Хмурый, испитой.
Он поставил хитро
Палец запятой.
Я сидел обедал.
Я спешил тогда.
Друга, что ль, он предал
В давние года?
Тут не без причины
Вспомнились дела!
Капля вдоль морщины
Мутная текла.
Рвать хотел рубаху.

Плакался баском.
Бил подлец с размаху
Об стол кулаком.
Встал я, расплатился...
Дикий и хмельной
Облик растворился
В облаках пивной.

1957

СТИХИ О ДЕТСТВЕ

1

На улице мне сладко было
Веселый запах встретить вдруг,
Простого
Ягодного мыла...
О запах детских щек и рук!
О детства запах!
Сразу,
Сразу
Все то предстало предо мной,
О чем не вспоминал ни разу,
Что было где-то за войной.

2

Сейчас поверят в это разве?
Лет двадцать пять тому назад,
Что политически я развит,
Мне выдал справку детский сад.
Вы улыбнетесь, знаю:
Ибо
И странно это и смешно.

Педагогических загибов
Пора окончилась давно.
Меня и нынче брат мой дразнит,
Он этой справки не забыл...

Но политически я развит
Действительно в те годы был.
Я с глубочайшим интересом
Журнал «Прожектор» раскрывал.
Я кулака с тупым обрезом,
Улегшись на пол, рисовал.
Я, помню,
Не жалел под праздник
Ни черной туши, ни белил,
Весь мир на белых и на красных
Безоговорочно делил.
Задорный, тощий, низкий ростом,
Я весело маршировал,
И в каждом человеке толстом
Буржуя я подозревал.
Я знал про домны Приазовья
И что опять бастует Рим.

И я к друзьям пылал любовью
И был к врагам непримирим!

3

Мне вспоминается:
Вначале,
Надев с достоинством очки,
Меня детально изучали

Из Наробраза знатоки.
Я прыгал в зале неуютном,
Шнурки болтались башмаков,
Я был тогда ребенком трудным,
По утвержденью знатоков.
«Нацелим»,
«Сдвинем»,
«Обязуем», —
Я слышал чуть не целый год.
Я знал:

я трудновоспитуем,
И втайне был немного горд.
Но воспитательное дело
Торжествовало. Как-никак...
Я стал завязывать умело
Свои шнурки на башмаках.

4

Средь стен казарменной окраски,
С вселявшей ужас чистотой,
Как радуга, цветные сказки
Нас поражали пестротой.
А Аполлон, что над фронтоном
Квадригу вздыбил над Москвой,
Бойцом казался пропыленным
В лихой тачанке боевой.
Мы путали легко и просто,
Детишки тех далеких лет,
Иван-царевича геройство
И информации газет.

Шпалерами стояли койки.
Мы знали,
Тощие мальцы, —
На посевные и на стройки
От нас уехали отцы.
Когда нас в зале Марь Иванна
В кружок под вечер соберет,
В бравурных звуках фортепьяно
Мы начинали хоровод.
Мы тоненькими голосами
Вели печально «Каравай»,
А Марь Ивановна глазами
Грозила мне:
«Не подвывай!»
Мы тоненькими голосами
Вели,
А в глубине окна
Мерцающими корпусами
Светилась новая страна.
Во тьме деревня за деревней
Шатались в снеговой гульбе,
И хаос горестный и древний
Протяжно запевал в трубе.
Проснувшись полночью в постели,
Обняв колени,
В тишине,
Мы, не стирая слез, глядели
На вспышки дальние в окне...

6

Срок воспитанья
 Был недолог.
 На счастье или на беду,
 Педолога сменял.
 Педолог,
 Как бы играя в чехарду.
 Передо мной,
 Как кинолента,
 Мелькали лица.
 Рад, не рад —
 Объектом для
 Эксперимента
 Я неплохим стал,
 Говорят.
 За методом
 Сменялся метод,
 Был графиками
 Полон зал.
 Тот все кричал,
 Сюсюкал этот,
 Тот кутал,
 Этот закалял.

7

А где-то мать в платочке белом
 Шла в гулкие цеха чуть свет,
 Заведующей губженотделом —
 Ей двадцать пять неполных лет.
 Рожь вымерзла в тот год на пашнях.

— Дай хлеб! —
Был краток разговор,
И сотни страшных глаз заправших
Глядели на нее в упор.
В тот год ни воблы, ни конины
Не продавалось в городах,
Тяжелый снег давил на спины
Томящихся в очередях.
Непринужденны и форсисты,
В очках и с острым кадыком,
Среди народа интуристы
Гуляли важно с «кодаком».
Средь строек,
Вшей,
Недоеданий
Их поражала неспроста
В России глубина страданий
И идеалов высота.

8

В узорах ризы золотые,
Затейливый иконостас —
Забавы грозной Византии,
Из тьмы дошедшие до нас.
В церквушке было тесновато,
Мы стали с бабкой в уголок.
О счастье рая, муке ада
Летел псалом под потолок.
Стоял я с безучастным взглядом,
Без содрогания в душе,
Стоял под раем и под адом,
Катая за щекой драже.

Смешливой, трогательной, хрупкой
Ты пионеркою была.
Мы шли полями.
Пел вожатый
И знамя на плече держал.
В худой руке моей
Зажатый
Горн холодеющий дрожал.

Под песню маленького люда
Горел костер в лесу светло...
Так жили, жили мы,
Покуда
Вдруг отрочество не пришло.

Мы стали хмуры, неуклюжи...
О возрастная полоса,
Когда затвердевали души,
Когда ломались голоса!..

Ходили, широко шагая,
Пух появился над губой...

Но это уж пора другая,
А значит, разговор другой!

Я не знаю, откуда, откуда
В человеке возникла она.
Совесьть — миру навеки награда.
Вечно жить ей — глуши не глуши.

Удивляться не низости надо,
А безмерным высотам души!

1957

ОРКЕСТР

Копну могучей шевелюры
На струны скрипки уронив,
Скрипач пилил из увертюры
Какой-то сбивчивый мотив.

Флейтист был робок.
Словно флягу,
Поднявши флейту в вышину,
Как в зной по капле цедят влагу,
Он ноту пробовал одну.

Но, вскинув пару тощих прядок,
Встал дирижер и подал знак,
И тотчас же обрел порядок
Оркестра шумный бивуак.

В молчании пред дирижером
Оркестр в колонне по пяти
Застыл,
готовый по просторам
На смерть и подвиги идти,

И вздрогнул мир, и пали стены,
И даль темна и глубока,
И свет пожаров вместо сцены,
И звезды вместо потолка.

1957

* * *

Сколько прелести есть
В человеческих лицах!
Все смотрел бы на них
И смотрел без конца.
Но в глухих городишках
И в громких столицах
Вдруг на улице встретишь
Лицо подлеца.
Отвращенье и ужас
Почти не скрывая,
Отшатнешься,
Стараясь с дороги свернуть,
Но запомнишь навеки:
Ухмылка кривая
И глаза, разбегающиеся, как
ртуть...
...Берегите
Лицо человеческое!
Храните
Очи добрые и горделивые рты.

Словно с озера,
С глади лица не спугните
Выражение ясности
И чистоты!

1957

* * *

У дороги березы стеною,
Беспокойны, легки и чисты.
Посадили их люди весною
От великой своей доброты.
Я не ведаю, кто эти люди,
Где их дом, где родные места,
Только жизнь у них так же пусть
будет
Беспокойна, легка и чиста.

1957

* * *

Мне кажется, что я старею,
И в пестроте летящих дней —
Нет, я не делаюсь мудрее,
А сдержанней и холодней.
Да, так. Я не хочу обмана,
Я в страхе пред своей судьбой.
О юнсть!

Коль холодным стану,
Чем оправдаюсь пред тобой?
Иль, может быть, когда остыну,
То, призван к твоему суду,
Найду серьезную причину
И веский довод приведу?!
Но много ль в оправданьях проку
Для тех, кто потеряет вас —
И сердце,
                                бьющее тревогу,
И слезы,
                                вставшие у глаз!

1957

Заката древние красоты
Стояли в глубине окна.
От мыла, щелока и соды
Досадно щурилась она.

Прекрасней нет на целом свете —
Все города пройди подряд! —
Чем руки худенькие эти,
Чем грустный-грустный этот
взгляд.

1957

* * *

Когда мне будет плохо,
Очень плохо,
Когда придут плохие времена,
Дай слово мне:
Ни стона и ни вздоха,
Что б ни было —
Ты плакать не должна!
Я все сумею вынести,
Лишь выстой
В те дни сама,
Спокойствие храня.
Одной лишь я страшусь,
Родной и чистой,
Слезы твоей. . .

Она убьет меня.

1957

ЖЕНЩИНЫ

Я грущу.

Я измучен жаждой.

Я извелся, грустя, любя.

В каждой девочке, в женщине
каждой,

В каждой что-то есть от тебя.

Я их, грустных, не в силах видеть,
Их смятеня,

их скорбных поз.

Их же так ведь легко обидеть,

Так легко огорчить до слез!

Сокровенным с тобой,

глубинным

Чем-то связаны все они,

Чем-то жалостным, голубиным,

Чем-то тайным тебе сродни.

Вот вчера одна торопилась,
Плача,
    пуговицу теребя...

Сердце кровью мое облилось,
Как подумал я про тебя!

1957

* * *

Рассудку вопреки,
Я верю, верю, верю,
Хоть знаю, что не быть
Уж этому, — и все ж!
Промчится много лет,
Однажды скрипнут двери,
И сзади, не дыша,
Ты мне глаза зажмешь...

1957

* * *

Когда умру, то в стол ко мне
Ты молча загляни.
Там все, чем я наедине
Жил в прожитые дни.
Истлеет плоть, что путь прошла
Дождей и голодух,
Но где-то в глубине стола
Живым мой будет дух.
Листок бумаги —

он молчит,
Лиловый от чернил.
Достань его — и закричит
Он вдруг что было сил.
И если хочешь — разорви
Иль отошли в журнал,
Но он заплачет по любви,
Которую не знал.

1957

* * *

В сапогах огромного размера,
Я вошел на цыпочках в музей...
Грозная Милосская Венера
Поднялась в беспомощности всей.

...Я прошел немало верст в
пехоте,
Путь был труден.

Боже упаси!
Грязь такая осенью — шагнете,
И сапог останется в грязи.

Девушки лукавы и румяны
В госпиталях были тыловых,
Тонкие и сложные романы
Заводил я с многими из них.

У меня неловкая манера —
Я гашу сигарку о каблук...
Ты стоишь, высокая Венера,
Выше моих радостей и мук:

* * *

Я словом правды
Не бросался,
Я слово то держал
В чести,
Я слово это
Опасался
Средь суеты произнести.

И, в правду верующий
Свято,
Совсем не верил
В силу зла...
Но женщина одна
Когда-то
Мне в молодости
Солгала.

Она лгала легко
И гладко.
И я б поверил ей
Вполне,
Но, словно смутный сон,

Догадка
Тоскливо брезжила
Во мне.

Я робок был,
И слаб,
И молод,
Я брел ночами
Сквозь туман.
Весь в башнях,
Шпилях,
Трубах,
Город
Был как чудовищный
Обман.

Я брел в ботинках
Неуклюжих,
Брел, сам с собою
Говоря,
И лживо отражалась
В лужах
Насквозь фальшивая
Заря.

1956

* * *

Нам имена их вспомнятся едва ли...
Обняв девчонок, мы в полночный час
Истории такие заливали,
Каких нам и не выдумать сейчас!

Луна, теплынь, никто нас не торопит.
Молокососы и говоруны,
Мы рассуждали, что имеем опыт,
Что в хитростях любви умудрены.

И нас любили, но любовь простая
Тех девочек

совсем не шла в расчет.
Смеялись мы, надменные, считая:
Любовь еще бессмертная придет!

Шли годы.

Мы немало повидали.
Нам горько, что в оставшихся вдали,
В тех девочках тогда не угадали
Того, чего мы так и не нашли.

1957

Шорох слушая по ночам.
...Только в жажде неистребимой,
Что не вытравить, не убить,
Хочет женщина быть любимой,
Плакать, радоваться
и любить.

1957

* * *

Нет, эти босиком не выбегали
К любимому, в морозы, на крыльцо
И серной кислотой не выжигали
Соперницы проклятое лицо.

В них пыл не тот,
У них спокойней норов.
Любовь не принимается всерьез.
Сдаются без особых разговоров
И утром просыпаются без слез.

И вспоминают молодость, старея:
Апрель. Луна. Холодный блеск реки.
За пазухой у них ладони грея,
Зевают их случайные дружки.

1957

* * *

— Любовь, любовь! — мне с детских лет
твердили,
Как будто сговорившись заодно,
Симфонии, поэмы, водевили,
Трагедии, романы и кино.
И, рот открыв, интригою волнуем,
Я обмирал, и я слезу ронял
Пред первой встречей и пред поцелуем,
Обозначавшим радостный финал.
Но не в поэмах и не на подмостках —
Лишь только в жизни сделал первый
шаг,
Я встретил ту любовь на перекрестках,
В каморках, общежитьях, блиндажах.
Не в пенье скрипок и не в озаренье
Я знал любовь в те давние года, —
И без любви любовь, и без сирени,
Как мутная болотная вода.
— Нет, — отвечал я, — нет, я протестую!
Что б ни было — на все один ответ...
В любовь я верил светлую, святую,
Конца которой не было и нет.

1957

* * *

Сосед мой, густо щи наперчив,
Сказал,

взяв стопку со стола:
— Ты, друг, наивен и доверчив.
Жизнь твоя будет тяжела.

Но не была мне жизнь тяжелой.
Мне жребий выдался иной:
Едва расстался я со школой,
Я тотчас принят был войной.

И в грохоте, способном вытрясть
Из тела душу,
на войне,
Была совсем ненужной хитрость,
Была доверчивость в цене.

Я ел — и хлеб казался сладок,
Был прост — и ротой был любим,
И оказался недостаток
Большим достоинством моим.

1957

ПАМЯТЬ

Мне сохранить
Смогла судьба
От дней
                  далеких браней
Пороховые погреба
Моих воспоминаний.

Живу в покойном забытьи,
Но огонек запала
Лишь только стоит
Поднести —
И все тогда
Пропало.

1957

* * *

Упаду,
И никто не заметит на свете.
Был обычен мой путь,
Трудноват и недолог.
Только, может, когда-нибудь,
Через столетья,
Откопает меня из земли
Археолог.

И в музее,
Где древние торсы и вазы,
Сдунув пыль,
Аккуратно разложит на полки
Пару пуговиц медных,
Портсигар из пластмассы
И истлевшие клочья
Моей гимнастерки.

Лектор скажет:
— Он полон был честной отваги,
Победитель — народы его называли.
Он лежал без сознания

ГЛАЗА

Взрыв и наземь, навзничь,
Руки врозь — и
Он привстал на колено, губы грызя,
И размазал по лицу не слезы,
А вытекшие глаза.
Стало страшно!
Согнувшийся вполовину,
Я его взвалил на бок.
Я его, выпачканного в глине,
До деревни едва доволок.
Он в санбате кричал сестричке:
— Больно! Хватит бинты крутить! —
Я ему, умирающему,
По привычке
Оставил докурить.
А когда, увозя его, колеса запыли
Пронзительно, на все голоса,
Я подумал впервые, что у друга были
Голубые глаза.

1957

НАРЫ

О нары, царственное ложе!
Здесь можно выспаться в тепле,
И жестко спать, да лучше все же,
Чем просто на сырой земле.

Здесь ночью, завалившись скопом,
Храпела с вывертом братва,
Как подобает землекопам —
Не раскатавши рукава.

Здесь, бредя, издавали стоны,
Болтали явственно вполне,
Причмокивали, как сластены,
И даже плакали во сне.

А то как вдруг хвороба злая
Возьмет —
                  не скажешь: «Замолчи!»
И, кашляя, как будто лая,
Зайдется кто-нибудь в ночи.

Здесь с терпеливостью похвальной,
Лишенный сладостного сна,
Над печкой скрюченный дневальный
Сушил портянки докрасна.

Здесь заспанные, вроде пугал,
Друзья вставали, как с одра,
И шлепали босыми в угол,
Чтобы напиться из ведра.

Здесь трудно повернуться боком —
Еловый суковат настил...
Здесь о прекрасном и высоком
Я, прежде чем уснуть, грустил.

1957

НА ПЛАТФОРМЕ

Я мчался сквозь поля,
Накрывшись плащ-палаткой,
На черной от угля,
Пустой платформе шаткой.

В кармане был моем
Подержанный бумажник,
И было много в нем
Различных справок важных:

Что я, мол, отпускник,
Что еду на поправку,
В Ельце санпропускник
И тот мне выдал справку.

Я к доскам примерзал
И, скорчившись от стужи,
На станциях слезал,
Тер рукавами уши.

Я в кулаки трубил,
Замерзшие в дороге,

Чечетку дробно бил,
Чтоб отогрелись ноги.

Где шумно толковал
С безруким инвалидом,
Где пацанам давал
Махорку с грозным видом,

Где с девками шутил,
Пилотку сдвинув набок,
Где простоквашу пил
У жалостливых бабок.

Я мчал сквозь города,
Предместья прорывая,
Неслась домов гряда.
Сады. И лязг трамвая.

Я мчал во тьме ночной,
Отсчитывая версты.
Победно надо мной
Ночь зажигала звезды.

Я пел! Бил ветер в грудь.
Дорогой снеговою
Великий Млечный Путь
Стоял над головою.

Я мчал, и снежный наст
Белел за черным мраком, —
То вдруг снежком обдаст,
То вдруг мельчайшим шлаком.

НЕЗАБУДКИ

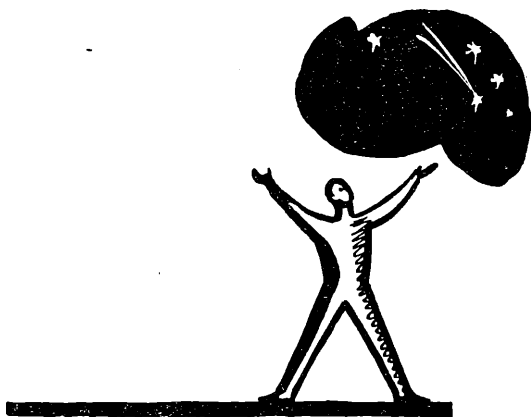
В шинельке драной,
Без обуви
Я помню в поле мертвеца.
Толпа кровавых незабудок
Стояла около лица.

Мертвец лежал недвижно,
Глядя,
Как медлил коршун вдалеке.
И было выколото

«Надя»

На обескровленной руке...

1957

**ЛИЦО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ**

ВДОХНОВЕНЬЕ

Я слово вдохновенье не отдам...
Пусть ретроградом прослышу за
это.

Его прочел я в детстве по складам
В помятой книге древнего поэта.
...Пророк в сердцах, как искру,
выкресал

Из камня воду...
Кутаясь в овчину,
Вздымал он руки к небу.
Сотрясал

Припадок вдохновения мужчину.
Быть вдохновенным — то мужской
удел.

Не выйдет прорицателя из труса.
Одним рывком подняться за предел
Рассудочности,
встать над гранью вкуса!

Эй, смельчаки, а ну-ка, кто из вас,
О всем забыв — о собственной
особе! —

Вдруг воспарит —
и слезы чтоб из глаз,
И чтоб, как током, затрясло
в ознобе!
...Мне не дана рассудочности
власть,
Сквозь жизнь мою меня песет
кривая.
И я хотел бы жить, и я хотел бы
пасть,
Бездумные глаза на вечность
подымая.

1960

КУЗНЕЦ

Могучий малый в майке...

Хмуро

Взяв молот, поднял две руки,
И в ход пошла мускулатура,
Как поршни и маховики.

С испугом мы взираем немо
На жилы напряженных рук,
Но мышц железная система
Под мокрой майкой встала вдруг.
А молот, что над головою
Застыл,

                    обрушился, да так,
Что словно вспышкой грозовою
Оглуший пронизало мрак.
...К ведру побрел вразвалку.

В саже,

Небритый, отпил полковша,
Ни разу не взглянувши даже
На нас,

                    застывших не дыша...

1959

ПИРЫ

И я люблю пиры!..

В сердцах ликуя,
Тот рог подьѐмлет, выводя напев,
А тот, глядишь, мечтая и тоскуя,
Сидит, щеку рукою подперев.

...Своей хранимый робкою звездою,
Я не люблю задач не по плечу.
Я знаю, что не быть мне тамадою:
Я встану, покраснею и молчу.

А тамада — он щедр и смел,
и кру́гом
Идет его от власти голова.
Награды раздает не по заслугам,
А сверх заслуг:
он получил права!

Он — раб минуты,
он — дитя причуды.
Швыряет он в притихшие столы

Рубины лести, славы изумруды,
Алмазы званий, жемчуг похвалы.

Неистошимый,

он имеет опыт.

В нем все черты застольного вождя:
То он нисходит на зловещий шепот,
То мечет громы, дремлющих будя.

Он здравицы плетет,

горластый гений,

Волнует души, путает умы.

В лукавый плен его хитросплетений
Легко, как мухи, попадаем мы.

...Да, я люблю пиры.

С тяжелым рогом

Люблю я, дверь устало отворя,

Встать тихо и смотреть, как за

порогом,

Белея, поднимается заря. .

1959

* * *

Художник на подносе розы
Пестро размалевал,
и вот
Мы, благодушны и тверёзы,
Пьем чай и отираем пот.

И ртами, полными варенья,
Мы обсуждаем прелесть роз,
Плодами чистого паренья
Мы восторгаемся до слез.

Мы сердцем тянемся к искусству,
Но розы той величины,
Что смахивают на капусту,
Бутоны — словно кочаны.

Запечатлела кисть артиста
Здоровые земные сны:
Вот розы, нежны и мясисты
И, словно овощи, сочны.

1959

Как карточки подмокшие туманны,
Как фильмы довоенные темны...
Я сны не осуждаю за обманы, —
За что винить? На то они и сны!

1958

* * *

Есть люди. Не тщеславны по природе.
Их идеал, признаться, не высок:
На даче покопаться в огороде,
Да стопку тяпнуть, да всхрапнуть
часок...

А есть совсем другие: без предела
Их замыслы! Какой уж тут предел,
Коль с детских лет уж ими овладела
Страсть к славе,
жажда грандиозных дел?!

Кто лучше,
разберись-ка — те иль эти?
У первых в жире не заметно глаз,
Но со вторыми здесь, на этом свете,
Бывает очень хлопотно подчас...

1960

ЛОШАДЬ

Ракета,
атмосферу прорывая,
Уйдет туда, где теплится звезда...
А ты, о лошадь, ты, душа живая,
В наш сложный век исчезнешь без
следа

Ты шла, влача громоздкость катафалка,
Ты в бой летела, яростно трубя,
Ты ковыляла пахотой.

Мне жалко,
Печальное животное, тебя:
Ты на дыбы не встанешь средь базара
Перед цыганом, глаз скосив со зла,
Губой не тронешь мертвого гусара,
В траву густую павшего с седла...
Наделена и жалостью и злобой,
Была ты и надменна и кротка,
Тряслась под коронованной особой
И под тщедушным телом бедняка.
Но пробил час, и ты уходишь, лошадь,
Назад куда-то, в дальние века.
А я б хотел вожжами огорошить
С ямщицкою тоской коренника!..

Еще ты попадаешься покуда...
Почесываясь хмуро о забор,
Копыта врозь, стоит смешное чудо,
Но вынесен суровый приговор.

1958 .

ПОЛМИНУТЫ

Ты печальюй вошла, озабоченной...
Не спугни — он так робок и тих,
Где-то в сердце еще не оконченный
И еще мной не начатый стих.
Будто мокрую вижу дорогу я,
Будто — зори, березы, дожди...
Подожди, я прошу тебя, строгая,
Полминуты еще подожди!

1956

* * *

— Подумаешь, Америку открыл!
Еще в пеленках это мы знавали!..

А я один, как клад, ее отрыл
И позабыть уже смогу едва ли.
Как я добыл ее! Я смертный пот
Стирал ладонью. Рот был сух от
жажды,

Я рыл и рыл...

Владеет ею тот,
Кто сам, один, добыл ее однажды.
Она во мне. Я жил, ее тая...
Я, стиснув зубы, в муках, на
пределе,
Ее добыл. Вот истина моя!

Вы ж до сих пор банальностью
владели.

1960

* * *

О состраданье! Нет грознее силы
И силы беспощадней, чем народ,
Познавший жалость! Он хватает
вилы —
Спасать несчастных!
Он топор берет.

Кто жалости мучительный напиток
Хотя бы раз испил — уже тому
Не страшно откровенье страшных
пыток.
На каторгу пойдет,
пойдет в тюрьму.

«Авроры» залп!
Встают с дрекольем села.
Но это ж началось в минуту ту,
Когда Радищев обшлагом камзола
Утер слезу,
увидев сироту.

1959

БАЛЫ

Балы! От шпор до штукатурки,
От люстр до коков — все дрожит...
Вон — Пестель, он летит в мазурке!
Вон — с дамой Батюшков кружит!
Трещат воцеленные паркеты.
Солдаты дуют, молодцы!
Кружат
                    сановники, поэты,
Тираноборцы,
                    мудрецы.

Стихи — в альбомах женщин милых!
Трактаты — в дружеском письме!..
Как просто все!
Мазурка в жилах,
В душе мазурка
И в уме.

Всего каких-то полтора ста
Иль двести продержалось лет...
О мир танцующий дворянства,
Тебя уже в помине нет!

Твои подметки отстучали!..
Ты так был яростно спалён,
Что средь псковских болот торчали
Лишь камни эллинских колонн.

Не здесь ли тот писал когда-то,
Что был лишь истиной влеком,
В шелку тяжелого халата,
Дымя янтарным чубуком?
А ведь от вольтерьянских максим
Не так уж долог путь к тому,
Чтоб пулемет системы «Максим»
С тачанки полоснул во тьму...

1959

* * *

Я знаю жизнь. Ее я изучал,
Сжав крепко зубы. Острая отрада —
Познать ее! Начало всех начал —
Жестокий опыт. Нет дороже клада,
Чем знанье жизни. Прежде по
складам
Ее с трудом читал я, обалдело
Наморщив лоб. Сейчас я преподам —
Хотите — курс ее! Я знаю дело.
Я знаю жизнь. Но сыну моему,
Увы, не надо знания отцова.
Ему мой тяжкий опыт ни к чему.
Сжав зубы,
сам
он все добудет снова.

1959

* * *

Кто только мне советов не давал!
Мне много в жизни выдалось учебы.
А я все только головой кивал:
— Да, да, конечно! Ясно! Ну, еще бы!..

Поднявши перст,
кто только не держал
Меня за лацкан!

— Да, ага, понятно!
Спасибо! Ладно!

— я не возражал:
Ну что мне стоит, а ведь им приятно...
— Да, да, согласен! Ой ли! Ей-же-ей!
Ну да, пожалуй! Вы правы, не скрою...

Чем больше слушал я учителей,
Тем больше я хотел быть сам собою.

1960

* * *

Красавица!.. И вот, обалдевая,
Застыли мы, открыв в смятенье рот...
— Смотрите, вон красавица!

Живая
Красавица! Вон — не спеша идет!

О, женской красоты великая загадка!
Кто тайный смысл твой до конца
познал?

Ну вот она: зачесанные гладко
За уши волосы
да личика овал, —

И мы уже молчим, благоговая,
Молчим, от восхищения немые,
Следим глазами:

вот она правее —
И мы правей, она левей — и мы...

·1960

ОДИНОЧЕСТВО

«Не гоже человеку быть единому», —
Угрюмо изречение гласит.
Надену плащ и кепку зло надвину
И выйду.

Мелкий дождик моросит.
Да, правду книга древняя сказала!..
По черным лужам ухожу во тьму —
На шум трамвая и на свет вокзала,
Лишь только б не остаться одному.

1959

* * *

Как хорошо лицо свое иметь...
Тот смотрит робко, этот смотрит гордо.
Тот любит в лодке с удочкой сидеть,
Другой в восторг приходит от
кроссворда.

Походка есть у каждого своя,
И каждый носит шарф, какой захочет.
На шутку у того чуть дрогнут губ края,
А этот как безумный захохочет.
Как хорошо, что каждый не похож
На своего соседа! И прекрасно,
Что он и я — мы не одно и то ж:
Стоим — кто как. Прикуриваем —
разно.

О, радостная эта пестрота
Одежд, волос, привычек, цвета кожи!
Страшимся мы, как видно, неспроста
Быть меж собою, как икринки, схожи.

1960

* * *

Весною новой новая трава
Не знает ничего о прошлогодней.
Ей память для чего? Она жива, —
Ей хорошо без прошлого, свободней.
А мне-то как: забрел в дремучий лес
Воспоминаний и не выйду к свету...
Мир прошлого! Да он давно исчез!
Его давно на самом деле нету!
Был, да пропал, подобно миражу.
Прошло с тех пор уж лет пятнадцать
этак...
А я брожу в густом лесу, брожу
С рубцами на лице от бьющих веток.

1959

САМОЛЮБИЕ

Самолюбие, ты меня
Чуть кольнешь — и, мокрый от
поту,

Помертвев, котелком звеня,
Догонял я на марше роту.
Не за деньги и не на приз,
А, пожалуй, тебя лишь ради
Я неистово ручку грыз
Перед чистым листом тетради.
Почему же, белый как мел,
Я звоню ей сто раз на неделе?

Неужели я не имел
Самолюбья на самом деле?

1960

* * *

Как был уютен мир Эвклида!
Как был он ясен, прост и мал!..
Чертил учитель деловито
Фигуры,
Палец подымал.
Но истина в другом...

Мильоны

Мильонов светолет! Сложны
И перепутаны законы,
И все понятия смещены.
Все в мире можно, все обелим!..

Я ж верю, пусть идут года:
На этом свете параллелям
Не пересечься никогда.

1959

* * *

— С боем вышли на берег
Дуная!.. —

Поздней ночью идет разговор.
Над трубою луна ледяная,
На стекле ледяной узор.
А в полях до тех мест, где отроги
Дальних гор,
до чужой стороны,
Под снегами лежат дороги,
Еще теплые от войны.

1956

* * *

Когда мои друзья сойдутся за столом,
Внимаешь ты,

пристроясь робко с края,
Беседам о грядущем, о былом,
О настоящем, —

блюдца вытирая.

Они философы, мои друзья!

Подчас,

когда, обрушась друг на друга,
Они кричат, сарказмами разя,
Ты в кулачок зевнешь,

моя подруга.

И вижу я по выраженью глаз

И по улыбке, что скользнуть готова:

«Пускай кричат. Они уйдут сейчас,

И мы с тобою вместе будем снова».

1959

ХОЧУ БЫТЬ НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТОМ

Хочу быть начинающим поэтом,
На мэтра говорящего смотреть...
Он грозный ходит, он брюзжит при этом.
Его лицо багрово, словно медь.
Он в кресло опускается устало.
Он дышит трубкой, тяжело дыша...
О, как бы я хотел, чтоб трепетала
В надежде и неведении душа!
Он щелкнул пальцами,

ища примера,

Нашел, и голос вверх идет, звеня, —
Тут что-то из Шекспира, из Гомера.
Я сник. Я стих. Уже он стер меня...
Но вот он поднимается из кресла,
С улыбкой слабой треплет по плечу.
И ожил я. Душа моя воскресла!
Счастливый, я на улицу лечу.
Средь города, средь бешеного мая
Лечу я, не скрывая торжество,
Тетрадку к сердцу крепко прижимая,
Не видя и не слыша ничего...

* * *

В парк с гитарой идем для форсу,
В коверкотовых пиджаках
И впервые мы вместо морсу
Пиво спрашиваем в ларьках.
...Пена пышная прихотлива,
Но, как злая полынь, горька.
Желтоватую жижу пива
Цедим медленно у ларька
И не морщимся.

Шоколада

Нам не требуется. Ерунда!
Дайте горечи! Вот что надо!
Детство кончено навсегда.
Детство кончено. Не пристало
Быть сладстенами. Нам нужна
Только горечь! И что б ни стало,
Только горечь. Она одна.

Мы идем. Пиджаки нараспашку.
Мы идем...

Продает старик

«Мишку», сладкий миндаль,
«Ромашку»,

Шоколад «Золотой ярлык».

1959

Я спокоен. Все правильно.
Цель прочна.

Но почему, когда я
закрываю глаза,
Я вижу весь мир?

1959

ДЕМОН

*И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.*

(А. Пушкин)

И у меня был демон.

Он нередко
Захаживал поспорить. Между тем
На своего прославленного предка
Не походил он обликом совсем.
Свернув сигарку, приклеив слюною
Газету,

он обиженно моргал.

Он фразою язвительной одною
Меня в смятенье тотчас повергал.
Он был на мир сердит.

Был зол и
едок.

Он сплевывал сквозь зубы и курил.
— Вот так-то, брат, — зловеще
напоследок,
Похлопав по плечу, он говорил.

Казалось, что не вынести разлада,
На мир поблекший не подымешь глаз.
И все ж в крови веселой капля яда
Бесследно растворялась всякий раз.

1959

* * *

Я верил в стройность мира!..
Исхудалым,
Порвав широкий ворот сгоряча,
Я пил сырец, закусывая салом
И голосом мальчишеским крича.
Все то, что я в душе лелеял свято,
Я, мыслью зачарованный одной,
Бросал в лицо багровое комбата,
Расставившего локти предо мной.
Он криво усмехался мне сначала,
Но захрапел. Я позабыл о нем...

И пиршество ночное освещала
Коптилка затухающим огнем.

1959

ЖЕНЩИНА С КРАСИВЫМИ ЗУБАМИ

Женщине с красивыми зубами
Все кажется смешным.

Мы не говорили о женщинах.
По вечерам, когда всходила луна,
Мы вспоминали о том, кто как
ел дома.

Наше училище было
В том же городе,
Где я несколько месяцев назад
В школе сидел за партой,
В десятом классе.
Старшина, татарин Ахмеджанов,
Раз в десять дней
Строил нас перед фронтоном
казармы
И вел в гарнизонную баню.
Под мышкой мы держали
Скатанное нательное белье.
На центральной улице города
Было много гуляющих.

Их взгляды действовали на нас
Как сильный, возбуждающий напиток.
В нас вдруг начинали брезжить далекие
Гражданские воспоминания.
Мы молодцевато приосанивались
И с ожесточением вбивали шаги
в мостовую.

В груди начинало петь.
Однажды был какой-то
Особенный вечер.
Город потонул в теплой
Розовой дымке.
Я, как обычно, шел из-за своего роста
В последней шеренге.
И вдруг на повороте,
У белого зданья городского театра,
Когда ликование в наших сердцах
Достигало предела,
Я вдруг почувствовал,
Что развязалась обмотка.
Она спадала широкими баранками
С худой ноги.
Я отстал от строя,
Вступив в единоборство
С грязной и длинной лентой.
Шинель, доставшаяся мне, как видно,
с великана,
Встала на спине горбом.
И вдруг я услышал смех.
Я обернулся и увидел рядом с собой
на тротуаре
Ту, которую я любил

И которой я когда-то сильно нравился,
Но о которой позабыл
За событиями последних месяцев.
Она стояла с двумя молодыми людьми
В белых воротниках, выпущенных на
пиджаки.

Она смеялась.

Она смеялась, сверкая красивыми
зубами.

Она хохотала до слез.

1960

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ О ДОЛГЕ

Про смерть поэта с болью говорили... 5

I КАЗАРМА

Скатка 7

Гамлет 8

В малиновом шарфе, взвалив на плечо сунду-
чок... 10

Обед 12

Полы 14

За окошком сосны голубые... 15

Караулка 17

Сержант Денисов 18

Ансамбль 19

Ночь 20

От подъема и до отбоя... 22

В долгосрочный 23

II

Земляк 25

Я эти песни написал не сразу... 27

Пока есть в реках сила гнать каменья... . . . 28

В Карпатах	29
Вчера мы писали диктанты...	30
Солдат	32
Город	33
Я знал его. Огнем одним...	35

III

Нет, не только все время ветер зловещий...	36
Дым в окно врывается...	38
Мне далеко еще с полком идти...	39
Дайте полночь в мои осторожные руки...	40
Мир разлетелся в две стороны...	41
О, сколько солнца в детстве я познал!...	42
Выйдя в город	43
Снегом густым...	44

СИНЕВА

Синева	47
В судьбу походную влюбленный...	49
Мальчишки , ...	51
Под сияющим небом, игрищем гроз...	53
Я видел мир	54
Отцы	56
Москвичи	57
Красота	59
Вода	61
Ночь уже наступила глубокая...	63
Аккордеон , ...	64
Работа	66
Там валуны, шершавые на ощупь... , ...	68
Черный хлеб	69

Земля омыта летними дождями.	71
Уголь	73
Ксения	75
Весна	78
Доброта	79
Птицы	81
Яуза	82
В семнадцать лет	83
На вешалке в передней шубка кунья.	85
Окна	86
Лебеди	87
Боль	89
Жена	90
Луна	92
Кто молод, тому нипочем.	93
Встреча	94
В час постелей, ко сну приготовленных.	98
Любимые	100

ПРИЗНАНИЯ

Природа	105
Пещерный человек учился рисовать	108
Основа	109
Вагон в 1918 году	111
Нищие революции	113
Огонь	114
Прозванье дала себе каждая нация.	116
Кровь	117
Акыны	120
Дядя	122
Марсиане	124

В гаме и в угаре...	125
Стихи о детстве	127
На чердаках и в полутьме подвалов...	135
Совесть	137
Оркестр	139
Сколько прелести есть в человеческих лицах!..	141
У дороги березы стеною...	143
Мне кажется, что я старею...	144
Моя любимая стирала	145
Когда мне будет плохо...	147
Женщины	148
Рассудку вопреки...	150
Когда умру, то в стол ко мне...	151
В сапогах огромного размера...	152
Море	154
Два лица	156
Я словом правды не бросался...	158
Нам имена их вспомнятся едва ли...	160
Хочет женщина быть красивой	161
Нет, эти босиком не выбегали...	163
— Любовь, любовь! — мне с детских лет твер- дили...	164
Старики	165
Сосед мой, густо щи наперчив...	166
Память	167
Упаду, и никто не заметит на свете...	168
Глаза	170
Нары	171
На платформе	173
Незабудки	176

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Вдохновенье	179
Кузнец	181
Пирь	182
Художник на подносе розы.	184
Сны	185
Есть люди. Не тщеславны по природе.	187
Лошадь	188
— Что нужно, чтоб поэтом стать?	190
Тоска по детству — ерунда!	191
Полминуты	192
— Подумаешь, Америку открыл!	193
О чем мы пылко говорим, поэты.	194
О состраданье! Нет грознее силы.	195
Балы	196
Не жалуясь: и я имел друзей!	198
Я знаю жизнь.	199
Кто только мне советов не давал!	200
Так и живи, как прежде!	201
Марс	202
Красавица! . . И вот, обалдевая.	204
Одиночество	205
В пути	206
Не мучимый ни болями, ни страхом.	208
Простота	209
Как хорошо лицо свое иметь.	210
Весною новой новая трава.	211
Самолюбие	212
Как был уютен мир Эвклида!	213
— С боем вышли на берег Дуная!	214
Когда мои друзья сойдутся за столом.	215

Хочу быть начинающим поэтом	216
В парк с гитарой идем для форсу...	217
Серебряный бор	218
Демон	220
Я верил в стройность мира!...	222
Женщина с красивыми зубами	223

Винокуров Евгений Михайлович

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

*

Редактор *Е. А. Исаев*

Художник *А. Е. Голяховская*
Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*
Техн. редактор *М. А. Ульянова*
Корректор *Л. Н. Морозова*

Сдано в набор 15/VI 1960 г. Подписано
к печати 2/VIII 1960 г. А 04201. Бумага
70×92¹/₃₂. Печ. л. 7¹/₄ (8,48). Уч.-изд. л. 5,06.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 1134.

Цена 3 руб.

С 1/1 1961 г. цена 30 коп.

Издательство «Советский писатель»
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10.

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3

3руб.

С1/1 1961г. 30 коп.

